

18+

Евгений Сухов

Гиблое дело

Роман

Дела следователя Воловцова

Евгений Сухов

Гиблое дело

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Сухов Е. Е.

Гиблое дело / Е. Е. Сухов — «ЛитРес: Самиздат», 2019 — (Дела следователя Воловцова)

ISBN 978-5-5321-0505-8

В Рязани убита генеральша Безобразова и ее горничная. На третий день после происшествия в полицейское управление явился человек, заявивший, что именно он совершил двойное убийство. После проведенного следствия выяснилось, что он оговорил себя. Под подозрение попадает племянник генеральши.

ISBN 978-5-5321-0505-8

© Сухов Е. Е., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1. Что случилось третьего дня	5
Глава 2. Самооговоры бывают разными	9
Глава 3. Первый из апостолов	18
Глава 4. Что произошло в Рязани	23
Глава 5. Кто таков мещанин Колобов	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Глава 1. Что случилось третьего дня

Бывшее здание Сената в Кремле, где ныне размещается Судебная палата и Московский окружной суд видно издалека. Особенно если смотреть с Красной площади близ Сенатской башни. А все благодаря мощному куполу трехэтажного здания, венчающемуся столпом с царской короной и надписью: «З А К О Н Ъ».

Кто-то, зная или догадываясь, что под куполом здания находятся судебные учреждения, пройдет себе мимо, что вполне объяснимо: лучше вовсе ничего не знать про все эти присутственные места, посещение которых отнюдь не добавляет радости. Другие, увидев столп с символом царской власти и означенной надписью, уверятся что закон превыше всего. Даже власти царя... Запомняв о том, что даже в свете новых веяний наступившего века царская власть и есть незыблемый закон...

Судебный следователь по важнейшим делам Иван Федорович Воловцов, войдя в здание и направляясь в приемную своего непосредственного начальника, председателя Департамента уголовных дел Судебной палаты статского советника Геннадия Никифоровича Радченко, не думал ни о законе, ни о царской власти. Он вообще не думал ни о чем таком серьезном. Мысль его была предельно проста: как бы не повстречаться с судебным следователем Караваевым, человеком, по его мнению, весьма неприятным. А все потому, что из-за его лености и тугоумия Караваева несколько непростым делом, находящихся в его производстве, было передано ему, Воловцову. Не случись такой передачи, следствие так и осталось бы незавершенным. Непонятно куда смотрит руководство. Давно бы надлежало гнать этого Караваева из Департамента уголовных дел Судебной палаты взащей! Возможно, что прокурор Московской Судебной палаты его превосходительство Владимир Александрович Завадский так бы и поступил, поскольку на дух не переносил лентяев, если бы тот не имел знатного покровителя, – Владимира Даниловича Караваева, сенатора и тайного советника.

А еще Ивану Федоровичу подумалось о том, что наверняка после трехнедельной вакации,¹ с таким трудом им выпрошенной, ему наверняка подсунут какое-нибудь гиблое дело. Уж в этом будьте благонадежны!

В приемной председателя Департамента уголовных дел Судебной палаты никого не было. Кроме секретаря, конечно, – молодого франта с тоненькими усиками под длинным носом, – важно сидевшего за своим столом. Он поздоровался с Иваном Федоровичем и, приняв сосредоточенное выражение лица, занялся какими-то бумагами на столе. А может, просто делал вид... Все эти секретари при больших господах с хитрецей и преисполненные какого-то тайного величия.

До десяти часов дня оставалось несколько минут. И вот когда малая стрелка напольных часов указала на десять часов, а большая уверенно расположилась на цифре двенадцать, комнату наполнили глухие торжественные удары, двери приемной отворились, и вошел румяный Радченко Геннадий Никифорович, непосредственный начальник коллежского советника Воловцова.

Радченко был на несколько лет старше Воловцова и имел чин статского советника, что, впрочем, не мешало им быть накоротке и обращаться друг с другом на "ты". Надо признать, что с начальником Воловцову повезло: Геннадий Никифорович являлся человеком благодарным, грамотным и знающим свое дело обстоятельно и до мельчайших тонкостей.

– Прибыл, значит? – спросил он по-дружески, взглянув на Воловцова.

– Так точно! – по-военному отвечал Иван Федорович.

– Ну тогда заходи, – прошел Радченко в свой кабинет, оставив двери открытыми.

¹ Вакация – (здесь) время, свободное от службы; отпуск.

Воловцов вошел в кабинет и сел на стул, ожидая, пока статский советник разденется и уберет верхнюю одежду в громоздкий шкаф, стоявший у входа.

– Как отдохнул? – метнул Радченко на Воловцова взгляд и чуть заметно усмехнулся: – Как здоровье тетушки?

– Да все слава Богу, она ведь... – начал было отвечать на вопросы начальника Иван Федорович, но Радченко его перебил:

– Наслышаны мы о твоём рязанском деле. Значит, ты для этого отпуск себе вымаливал, чтобы в соседней губернии убийцев и поджигателей на чистую воду выводить? А говорил устал. Передых требуется... Ох, хитер! – слегка погрозил он пальцем. – Тебе здесь работы не хватает, так ты там решил себя проявить. Вот что значит, Воловцов, не человек, а кремень! Не может без работы сидеть. А вообще, молодец, хвалю!

– Так получилось, – тоном виноватого ученика произнес Воловцов. – А разве Рязань не входит в состав округа нашей Судебной палаты? – поднял Иван Федорович свой взор на статского советника.

– Входит, входит, – насмешливо произнес Радченко и уже не скрываясь усмехнулся: – Так для тебя же все равно границ не существует. Ты покуда его превосходительству Владимиру Александровичу доложишь, что на службу вышел вовремя и в полной готовности. Может, наш генерал² тебе чего ладного посулит или чего дельного скажет, – продолжал хитро улыбаться Геннадий Никифорович. – А то мы все боимся, что ты всех убийцев по округе отловишь и другим ничего не оставишь. Наверняка подберет для тебя дельце достойное твоему масштабу!

– Геннадий Никифорович, но ведь я же...

– Ладно, ладно, не благодари, иди уже!

– Нет, я не о том. Я хотел сказать....

– Хочешь, чтобы я подобрал? Какой ты все-таки, Иван Федорович, злой на работу! Хорошо, так и быть подберу для тебя новое дельце. Как раз такое, каковое кроме тебя вряд ли кто сумеет открыть. Думаю, что ты останешься доволен.

Судебный следователь по важнейшим делам Воловцов вышел из кабинета Радченко слегка озадаченным. По тому, как это было сказано – "новое дельце" – Иван Федорович понял, что его опасения насчет «гиблого дела», похоже, не безосновательны...

Окружной прокурор Московской Судебной палаты действительный статский советник Владимир Александрович Завадский, кавалер семи орденов, включая орден Святой Анны Второй степени, встретил Воловцова с распростертыми объятиями. Сказано сие, конечно, образно. Ежели выразиться более приземленно и точно, то завидев Ивана Федоровича входящим в свой кабинет, Завадский поднялся, вышел из-за своего стола и даже сделал несколько шагов навстречу Воловцову, что должно было означать особое к нему расположение, протянул ему сухощавую ладошку:

– Вот он наш герой... Какой молодчина! Рад, рад, Иван Федорович!

Сказав это, Владимир Александрович предложил Воловцову присесть и вернулся за свой стол огромный стол, занимавший едва ли не четверть кабинета. Действительный статский советник Завадский часто был придирчив, скрупулезен и считал себя обязанным быть в курсе всего происходящего в обоих гражданских и уголовном департаментах палаты. Вследствие этого он периодически докучал своим подчиненным всяческими проверками, часто заставляя писать различного рода отчеты, доклады и рапорты по поводу и без оногo. Характер окружной прокурор имел нервический и по-стариковски тревожный и зачастую не без вредности. Его норoв усугублялся еще и тем, что, разменяв год назад седьмой десяток, Владимир Александрович рассчитывал в скором времени получить почетное и достойное его беспорочной

² Генерал – чин действительного статского советника согласно "Табели о рангах" соответствовал воинскому званию генерал-майора.

службы и заслуг звание сенатора. А поэтому весьма опасался допустить хоть какую-либо промашку или, не приведи Господь, серьезную ошибку и тем самым перечеркнуть все надежды на сенаторское звание. В добром расположении духа, каковое виделось сейчас коллежскому советнику Воловцову, его превосходительство бывал нечасто, потому Александр Федорович немного успокоился и уверился, что уж чего-чего, а распеканий³ от Завадского не будет.

– Рад сообщить вам, Иван Федорович, что нами получены благодарственные письма от господ рязанского губернатора и прокурора тамошнего окружного суда о вашей помощи в расследовании известного вам дела, – бодро произнес окружной прокурор Московской Судебной палаты Завадский. – Весьма нашумевшего! – Несколько тише, продолжил: – Великий князь Сергей Александрович⁴ о нем выпрашивал... Эти господа, помимо прочего, положительно ходатайствуют о награждении вас орденом, о чем мною уже написано представление. Так что в самом недалгом времени я надеюсь вручить вам орден Святой Анны Третьей степени, вполне вами заслуженный. Признаюсь, я очень доволен, что в нашей Судебной палате служат лица, считающие себя на службе государю и Отечеству и в вакационное время. Это весьма и весьма похвально...

– Благодарю вас, – привстал со своего стула Иван Федорович, но Завадский жестом усадил его обратно.

– И еще, – несколько строже продолжил его превосходительство Владимир Александрович. – Принято решение и уже получено письменное согласие от генерал-прокурора и министра юстиции действительного тайного советника Николая Валериановича Муравьева о весьма значительном расширении ваших полномочий. Вы теперь по должности являетесь судебным следователем по *особо важным делам*, то есть наделяетесь полномочиями расследовать уголовные и иные дела не только на территории округа Московского Окружного суда и Судебной палаты, но и на территории всей Российской империи. Хотя, полагаю, вам к этому не привыкать, – едва улыбнулся Завадский. – Это очень почетно, но и весьма ответственно. И заметьте: должность сия вам вменяется безо всякой предварительной аттестации. – После этих слов действительный статский советник Завадский со значением посмотрел на Воловцова и добавил: – Поскольку будем считать, что ее вы прошли, раскрыв такое непростое дело в Рязани. А теперь, – Владимир Александрович отвел взор от собеседника, – не смею вас больше задерживать...

У Радченко был посетитель, поэтому Воловцову пришлось с четверть часа подождать в приемной, пролистывая две газеты, лежавшие на небольшом столике. Когда статский советник освободился, Иван Федорович вошел в кабинет начальника с некоторой опаской, поскольку вспомнил его слова про "новое дельце".

– Ну что, как тебе наш окружной прокурор? – поинтересовался Радченко, складывая какие-то бумаги на столе в аккуратную стопочку.

– Я застал его в благостном расположении духа, – отозвался Иван Федорович.

– Значит, быть ему вскорости сенатором, – резюмировал статский советник. – А тут еще сам градоначальник его поддерживает. О новом деле для тебя он ничего не сказывал?

– Нет, – ответил Воловцов, насторожившись.

– Ясно. Решил все перевалить на мои плечи... Ну мне это не впервой, а потом в сенаторы я пока не стремлюсь, – после недолгого молчания и глубокого вздоха посмотрел на Ивана Федоровича Радченко. – Ты слышал чего-нибудь об убийстве в Рязани генеральши Безобразовой и ее горничной двадцать восьмого августа этого года? Тетушка тебе об этом ничего не рассказывала?

– Да что-то такое слышал, однако сейчас не припомню точно, – нахмурил лоб Воловцов.

³ Распекация – от глагола "распекать", то есть учинять выговор, порицание, нагоняй.

⁴ Великий князь Сергей Александрович Романов – градоначальник Москвы (26.02.1891 г. – 1.01.1905 г.)

– А вот и напрасно, – заметил ему на это Геннадий Никифорович. – Дело обещает быть весьма громким...

– Так, а я здесь при чем? – пытливо посмотрел прямо в глаза статскому советнику Иван Федорович.

– Хм... А вот сейчас ты узнаешь, – не отвел взора от Воловцова председатель Департамента уголовных дел Судебной палаты. – Третьего дня случилось одно происшествие, на первый взгляд странное и вызывающее множество вопросов. О нем нам сообщили вчера, когда уже ничего нельзя было предпринять и что-либо исправить.

– Вы говорите загадками, – почему-то перешел на "вы" с Радченко Иван Федорович.

– Все верно. Само это происшествие и есть не что иное, как полная загадка, – раздумчиво произнес Геннадий Никифорович, – которую именно тебе и придется разрешить...

– Или не придется, – добавил за своего начальника следователь теперь по особым делам.

– Или не придется, – согласился с Иваном Федоровичем статский советник Радченко. И добавил: – Но ты ведь постарайся?

– Постараюсь, куда же я денусь? – усмехнулся Воловцов. – Будем считать, что интригу ты подпустил. А теперь рассказывай поподробнее.

– Хорошо, – кивнул статский советник Радченко. – Слушай... Третьего дня, поздно вечером, в управление Сретенской полицейской части постучался молодой человек болезненного вида. Когда ему открыли, он представился мещанином Иваном Александровичем Колобовым и заявил дежурному полицейскому чину, что, дескать, его надлежит немедленно арестовать, поскольку он проживал в августе месяце в Рязани и знает, кто совершил убийство генеральши Безобразовой и ее горничной. Более того, по его словам, возможно, и он сам принимал в этом душегубстве участие. Свой допрос Колобов попросил отложить до утра, сказал, что ему нужно все тщательно обдумать, после чего его закрыли в камере. А утром, когда камеру открыли, Колобов оказался мертв... Твоя задача состоит в том, – взглянул в глаза Воловцову статский советник, – чтобы прояснить личность этого Колобова, а также правдивость или ложность его слов.

– Так мне что, опять в Рязань придется путь держать? – с наименьшей долей вопросительной интонации промолвил Иван Федорович.

– По всей вероятности – да. Что поделаешь, у тебя работа такая. А потом ты ведь не любишь сидеть на одном месте, тебе ведь оперативным простор подавай! – ответил Радченко. – Ну и с делом генеральши Безобразовой придется познакомиться, поскольку без этого, похоже, тебе не обойтись, – добавил он.

– Понятно, – протянул Воловцов и опять перешел с Радченко на "вы": – Разрешите приступить к выполнению задания?

– Приступайте, – вполне серьезно посмотрел на Воловцова Геннадий Никифорович и углубился в деловые бумаги.

Глава 2. Самооговоры бывают разными

В России ноябрь месяц только по календарю осенний. Так сказать, де-юре. А на практике, то есть де-факто ноябрь – уже решительно зима. Со льдом, со снегом, который случается выше щиколотки; с ночными морозами и инеем на ветвях деревьев, делающим их неживыми, словно какая-то искусственная театральная декорация для детской сказки. И это только начало пьесы под названием "зима". А сама пьеса всегда со многими актами и действиями будет играть и в декабре, и в январе; в феврале – кульминация представления, а в марте и начале апреле будут завершающие сцены. Случается, что и в мае месяце после весеннего тепла выпадает тяжелый мокрый снег и лежит по несколько дней кряду. Это заставляет многих городских обывателей, чертыхаясь и кляня непогоду, лезть в чуланы и кладовки и доставать обратно недавно вычищенные и сложенные в сундуки шерстяные и меховые вещи, переложенные стружкой хозяйственного мыла и посыпанные нафталином. А те из горожан, кто не желает или ленится доставать уложенные на хранение зимние вещи и продолжает ходить в весеннем одеянии, цепляют в скором времени болезнь, именуемую инфлюэнца. И ладно бы они сами болели, единолично. Так нет же! Своим чиханием и кашлянием они заражают других. И вот вам уже эпидемия и множество больных самых разных сословий, в том числе и граждан, состоящих на государственной службе, отсутствие каковых на своем месте в нужный момент может сказаться на состоянии дел в городе, уезде, губернии, а то и во всей Российской империи. А это уже дело государственной важности!

Иван Федорович Воловцов болел не часто, поскольку всегда одевался по погоде. Вот и на этот раз он был одет по-зимнему: в теплых штиблетах-балморалах с галошами, габардиновой бекеше с каракулевым воротником и зимней касторовой шляпе.

Из Кремля Иван Федорович пешочком прошел через Александровский сад, на улице Манежной взял извозчика и через Моховую и потом через Неглинный проезд выехал на Цветочный бульвар. С него повернул в Первый Знаменский переулок. Доехал до его конца и повернул направо, в Третий Знаменский переулок.

– Дальше-то куды, ваш бродь? – оглянувшись, спросил извозчик в овчинном тулупе.

– Дуй до пожарной каланчи, – приказал Воловцов.

Сретенская полицейская часть располагалась вместе с пожарным депо на Сретенской горке в Третьем Знаменском переулке недалеко от Цветного бульвара. Это был длинный и весьма старый двухэтажный дом, выстроенный еще в середине восемнадцатого века, поскольку первый этаж дома уже начал потихоньку вращаться в землю, что случается с домами, имеющими вековую и более историю. Иван Федорович вошел в здание и, представившись дежурному полицейскому чину, прошел внутрь. Участковый пристав Земцов, которого Воловцов немного знал, находился на месте.

– Я по поводу Колобова, – поздоровавшись, заявил Земцову Воловцов. – Когда он пришел в часть, кто был дежурным офицером?

– Старший унтер-офицер Подвойский, – последовал быстрый ответ.

– Я могу с ним переговорить? – спросил Иван Федорович, в надежде, что унтер окажется на месте.

– Отчего же нет. Конечно, – с готовностью ответил пристав Земцов, оправдав надежды Воловцова, и вышел из кабинета.

Через минуту он вернулся с высоким добродушным здоровяком в полицейских шароварах, круглой мерлушковой шапке и черной шинели с контр-погонами, на которых витые оранжевые плечевые шнуры имели по три посеребренных гомбочки.

– Городовой старшего оклада старший унтер-офицер Подвойский, – бодро отрапортовал полицант, за плечами которого в жизненном багаже явно находилась суровая воинская служба.

– Судебный следователь по особо важным делам коллежский советник Воловцов, – в свою очередь представился Воловцов. – У меня к вам будет несколько вопросов.

Старший унтер-офицер кивнул и вопросительно уставился на судебного следователя, ожидая, чего он такого скажет.

– Это ведь вы дежурили вечером третьего дня? – задал первый вопрос Воловцов.

– Так точно! – гаркнул старший унтер-офицер Подвойский и вытянулся во фрунт, как и положено по уставу, развернув плечи, подав тело немного вперед и подобрав подбородок.

– Вольно, – был вынужден сказать Иван Федорович и добавил: – Мы же с вами не на плацу, а просто беседуем.

– Слушаюсь, – уже более спокойно произнес старший унтер-офицер и ослабил стойку.

– Расскажите мне подробно, как все происходило, – дружелюбно попросил Воловцов.

– Через два с половиной часа по заступлении мною на дежурство, я услышал стук в дверь, – ровным голосом начал повествование Подвойский. – Я открыл и увидел на пороге молодого человека лет двадцати пяти. Он был трезв, как стеклышко, однако изрядно замерзший, и вид имел очень нездоровый.

– Как вы все это определили? – воспользовавшись паузой, спросил судебный следователь Воловцов.

– У него блеск в глазах был такой... не совсем хороший что ли, – немного подумав, ответил Подвойский. – Еще его бил озноб, – добавил унтер. – И он все время шмыгал носом.

– Понятно, – констатировал Иван Федорович и кивнул старшему унтер-офицеру, что означало приглашение продолжить. – Продолжайте.

– Когда я ему открыл дверь, то он сразу заявил, что его следует немедленно заарестовать, – охотно заговорил унтер-офицер Подвойский. – Я для начала, как и положено, попросил его представиться, и он назвался московским мещанином Иваном Александровым Колобовым. Он вошел, я попросил его покуда присесть, полагая, что у него зашел ум за разум, и, немного оклемавшись, он поймет, что несет чушь, повинится и уйдет. Знаете, – глянул на Воловцова старший унтер-офицер, – таких граждан к нам иногда заносит, которые вдруг признаются в законопротивных проступках, которые на самом-то деле они никогда не совершали. В основном, это нездоровые на голову люди, отпущенные из психических клиник, поскольку опасности никакой они не представляют. Случается, таких людей и не отличишь от здоровых. Вот как этого Колобова, к примеру.

– Да, такое бывает, – согласился с Подвойским Иван Федорович. В его следственной практике было несколько случаев самоговора, но более всего запомнился один...

* * *

Дело об убиении мещанки Анфисы Петровой и ее троих детей в Третьем Лаврском проезде два года назад наделало немало шума. Вся Москва следила за ходом этого расследования из газет, ведь городской обыватель весьма падок до всего такого, где имеется романтическая подоплека, какая-то загадочность или жестокое преступление. И ежедневная пресса просто рада потакать подобным запросам публики, а там самым значительно увеличить тиражи продаж, а стало быть, и собственный доход.

Тогда, два года назад, Иван Федорович всего-то два месяца как был переведен из Рязани в Первопрестольную на службу в Департамент уголовных дел Московской Судебной палаты с предоставлением должности судебного следователя по важнейшим делам. Ему положили оклад в семьсот пятьдесят рублей в год и предоставили казенную квартиру в одном из Кавалерских корпусов Кремля, где проживали сенатские и судебные чиновники. Вскоре Воловцов получил чин коллежского советника, соответствующий чину пехотного полковника. После чего ему

стали поручаться дела, подпадающие по своей значимости и общественному резонансу в разряд "важнейших".

Дело об убиении мещанки Анфисы Петровой и ее троих детей попало в категорию "важнейших" после того, как наделало в Москве весьма много шума, а участковый пристав Мещанской полицейской части надворный советник Покровский, проводивший дознание, от всего увиденного потерял самообладание и впал в глубочайшую меланхолию, приведшую к его душевному расстройству, что негативно сказалось на ведении дела: оно оставалось нераскрытым. После того, как пристава Покровского свезли в Преображенский смирительный дом под психиатрический патронаж практикующего приват-доцента Московского университета Николая Баженова, это дело поручили вести судебному следователю Ивану Воловцову. Расследование началось с изучения фотографий произошедшего. В какой-то степени оно и к лучшему, а иначе – кто знает – не пришлось бы Воловцову последовать вслед за приставом Покровским...

Суть дела была такова.

В субботу двадцатого апреля тысяча девятьсот первого года в половине пятого пополудни к постовому городовому Емельянову обратился взволнованный молодой человек, назвавшийся мещанином Василием Жилиным. Он поведал городовому, что, придя домой, обнаружил свою квартирную хозяйку Анфису Петрову лежащей на кухне в луже крови. Городовой Емельянов поспешил в Третий Лаврский проезд близ Екатерининского парка, где находилась квартира Петровой. Войдя в квартиру, Емельянов, и правда, увидел распластанную на полу окровавленную женщину, лежащую недалеко от входной кухонной двери. Это была квартирная хозяйка двадцативосьмилетняя Анфиса Петрова. По всем признакам она была мертва. В смежной с кухней комнате вся в крови лежала ее одиннадцатилетняя дочь Тамара, также не подававшая признаков жизни. Увидев ужасающую картину, городовой Емельянов поспешил к проживающему на Старой Божedomке (близ Мещанской полицейской части) участковому приставу Покровскому, который тотчас прибыл на место преступления. Помимо изрубленных топором и исколотых колюще-режущим предметом Анфисы Петровой и ее дочери Тамары, пристав обнаружил еще одну дочь Анфисы, Клавдию шести лет, у которой было перерезано горло и исколото лицо, а также её сына Петра двух лет, изрубленного едва ли не в куски.

В комнатах царил полнейший беспорядок, каковой бывает при ограблениях. Два сундука Анфисы Петровой были взломаны, лежащие в них вещи разбросаны по полу. В комнате, где лежало почти расчлененное тело маленького Петра, был обнаружен окровавленный топор, на полу кухни возле порога – испачканный кровью кухонный нож. Пораженный увиденным он долго не мог прийти в себя: последующие три дня он не выходил из дома и, заперевшись, пил горькую. А когда его немного отпустило, участковый пристав взялся за следствие. Покровскому удалось выяснить, что Анфиса Петрова вместе с мужем Афиногеном и детьми снимали трехкомнатную квартиру с кухней и чуланом, сдавая в свою очередь две из трех комнат жильцам. А недельки через две Покровский слегка тронулся рассудком и был помещен в Преображенский смирительный дом, поскольку нуждался в тамошнем нахождении. Так что судебному следователю Воловцову пришлось начинать все с самого начала: вникать в суть дела, поднимать имевшиеся материалы, опрашивать заново свидетелей. Все это крайне затрудняло продвижение следствия.

Воловцов начал с допроса мужа Анфисы и выяснил, что из взломленных сундуков ничего не пропало, кроме разве что двухсот восемнадцати рублей, которые они скопили, сдавая комнаты внаем. Потом недели две Иван Федорович опрашивал соседей Анфисы Петровой касательно посещений ее квартиры посторонними людьми, а также выяснял личности жильцов, которым сдавала комнаты Анфиса Петрова. И тут выяснилась интересная подробность: никто в ее квартиру из посторонних лиц в день преступления не входил. Постояльцы в преступлении участвовать не могли, потому что в тот злополучный час их не было в квартире, на что указывало алиби. Железное. Кроме разве что одного... Нигде не работающего восемнадцатилетнего сына.

летнего Василия Жилина, того самого, что сообщил городовому Емельянову о преступлении, возможно, с целью отвести от себя возможное подозрение. Кроме того, Жилин, по словам буквально всех, кто его хорошо знал, всегда страдавший безденежьем и задолжавший нескольким лицам более восьмидесяти рублей, вдруг роздал все долги и купил себе длинное демисезонное пальто, фетровую шляпу с репсовой лентой на тулье и черные хромовые штиблеты из французского шевро на шнуровке. Весь приобретенный гардероб стоил немалых денег. Вот только откуда они у него взялись? И не теми ли двумястами восемнадцатью рублями, пропавшими из сундука Петровых, так разухабисто распоряжается Вася Жилин?

На допросе подозреваемый Василий Жилин держался (или старался держаться?) на удивление невозмутимо, на все вопросы Воловцова отвечал охотно и обстоятельно. Это означало то, что-либо он невиновен, либо хорошо подготовился. На вопрос о происхождении денег Жилин пояснил, что недавно получил по почте обещанный расчет из Тулы, где он служил конторщиком.

– А еще городской управою мне было заплачено сорок восемь рублей за участие в общественных работах, – добавил Жилин и ясно посмотрел в глаза Ивана Федоровича.

Оставалось выяснить правдивость сказанного. Если его слова подтвердятся – может... нет, даже скорее всего он не является убийцей молодой женщины и ее детей. А вот если Жилин соврал, то напрашивался однозначный вывод: именно он убил мать с детьми. Ну а дальше следует принудить Жилина дать признательные показания, что будет делом техники, каковой судебный следователь Иван Федорович Воловцов обладал в полной мере...

Покудова Воловцов ожидал ответа из почтового ведомства, он посетил городскую управу и выяснил, что Василий Жилин действительно получал причитающиеся ему деньги за участие в общественных работах. Однако сумма, которую он назвал – сорок восемь рублей – существенно разнилась с суммой, подлинно ему выплаченной – двенадцать рублей восемьдесят четыре копейки. Это означало, что один раз он уже солгал, и вера его словам крепко пошатнулась. Ежели он солжет еще и про сумму, присланную ему по почте, Воловцов – а он уже так решил – прикажет взять его под стражу и станет допрашивать его уже в качестве обвиняемого.

Наконец, почтовое ведомство ответило следующее: никаких денег из Тулы или вообще откуда бы ни было тульский мещанин Василий Дементьевич Жилин не получал. И вот как только следователь Воловцов уже решил, что настала пора взять Жилина под стражу и поместить его в следственное отделение Таганской тюрьмы, как вдруг объявился некто Алексей Игнатьевич Рогожский, который заявил, что Анфису Петрову и ее детей убил именно он...

А произошло это следующим образом...

Рогожский подкараулил Воловцова, когда он выходил из здания Судебной палаты и Окружного суда: от стены отделился мужчина лет сорока в драповой крылатке и фуражке и заступил Ивану Федоровичу дорогу.

– Это ведь вы ведете дело по убиению мещанки Анфисы Петровой и ее детей в Третьем Лаврском проезде?

– Откуда вам это известно? – недовольно спросил Воловцов, оглядывая незнакомого мужчину.

– Москва – это всего лишь большая деревня, – туманно изрек незнакомец и улыбнулся: – Позвольте представиться: губернский секретарь Рогожский Алексей Игнатьевич. Вы можете не представляться, я вас знаю, – добавил мужчина в крылатке.

– Простите, но я тороплюсь, – буркнул Иван Федорович и даже успел сделать несколько шагов, после чего услышал от Рогожского насмешливое:

– Торопитесь арестовать этого юношу Васю Жилина и предъявить ему обвинение в убийствах?

– Кто вы такой? И что вам угодно? – обернулся Воловцов и остро посмотрел на мужчину в крылатке.

– Кто я такой – вы уже знаете, я же представился, – произнес Рогожский тоном, каким добрые учителя разговаривают с нерадивыми учениками. – Что же касается вашего второго вопроса "что мне угодно", то я отвечу так: мне угодно сделать вам признание. – Иван Федорович ничего не сказал, продолжая неотрывно смотреть на Рогожского. – Мое признание заключается в следующем: это я совершил все убийства в Третьем Лаврском проезде. И теперь нет мне прощения, – мужчина в драповом пальто шумно сглотнул и повесил голову, выражая всем своим видом сожаление и покорность. – Совесть меня заела!

Несколько мгновений Воловцов решительно не знал, что делать. Потом, оценив, наконец, услышанное, он цепко взял мужчину в драповой крылатке под локоток и повел его обратно в бывшее здание Сената. Доведя молчавшего Рогожского до своего кабинета и не отпуская его локоть, Воловцов открыл ключом дверь и втолкнул мужчину в кабинет.

– Садитесь, – отпустил, он наконец, локоть Рогожского Иван Федорович. Вызывать секретаря из канцелярии он не стал, решив сам записывать показания Рогожского. И начал допрос... – И так, ваше имя и сословная принадлежность?

– Я же вам уже представился, – несколько удивленно протянул Рогожский.

– Так положено, протокольная форма.

– Ну, если, конечно так, мне приходится впервые делать подобное признание. Опыта, как говорится, никакого... Извольте! Рогожский Алексей Игнатьевич. Дворянин.

Воловцов быстро записал.

– Где служите? Должность. Чин.

– Более не служу... Устал, знаете ли... Имею чин губернского секретаря, как бывший действительный студент университета.

– На какие средства проживаете? – оторвал Воловцов взгляд от бумаги.

– Отец оставил мне некоторый капитал в облигациях и процентных бумагах, достаточный для вполне сносного существования. Так что, не тужу!

– Задаю вам следующий вопрос... Это вы убили мешанку Анфису Петрову и ее троих детей? – спросил Воловцов, буквально впившись в лицо задержанного строгим взглядом.

– Да, – уверенно произнес Рогожский. – Это я убивец.

– Расскажите, почему вы это сделали.

– Объяснение простое... Так случается... Мы были давними любовниками с Анфисой. А потом она вдруг дала мне от ворот поворот, заявив, что больше не желает обманывать мужа. Понимаете, – смотрел он прямо в глаза Воловцову, – до этого мужа обманывать она хотела, а вот теперь перестала хотеть. Ну и как это прикажете понимать?

– И вы считаете это веской причиной для убийства?

– Я был очень зол! – произнес он, негодуя.

– Значит, вы в запале чувств убили свою любовницу, а заодно и ее детей?

– Именно так.

– Надо, полагать, спонтанно...

– Вам ответить правду?

– Разумеется. Разве вы сюда не для этого пришли?

– Отнюдь не спонтанно... Я весьма основательно готовился и терпеливо выжидал подходящий момент. Дождавшись, наконец, когда в квартире Петровой не будет постояльцев, я через черный ход, от которого у меня был ключ, проник на кухню, где и встретил Анфису.

– Та-ак, продолжайте, что же она вам ответила?

– Она была удивлена и сказала: «Я же тебя просила, чтобы ты больше ко мне не приходил. У меня есть муж и я боюсь его потерять». А я ей отвечаю: «Я пришел к тебе не для того, чтобы прелюбодействовать». Мне даже показалась, что она выглядела немного удивлённой и спросила: «Тогда для чего?» «А вот зачем», – ответил я и, выхватив стилет, размахнулся и ударил ее в самое сердце. Стиллет был длинным и очень острым и легко прошел меж ее ребер,

пронзив сердце и легкое. Она умерла, даже не пикнув, – добавил Рогожский и с виноватой улыбкой посмотрел на Воловцова. – Вы даже не представляете, как я страдаю!

– Простите, – немного опешив от услышанного, произнес Иван Федорович. – Согласно экспертного медицинского заключения, Анфиса Петрова умерла вследствие проломов, вдавлений и раздробления черепа, полученных от нанесений ударов топором...

– Вы меня не дослушали... Я же потом еще несколько раз ударил ее по голове топором, – как-то излишне уверенно и бодро промолвил Рогожский, что тотчас насторожило Воловцова.

– Зачем же вам нужны были все эти зверства, позвольте полюбопытствовать? – спросил Иван Федорович, не отрывая взгляда от капельки пота, медленно ползущей по виску собеседника.

– Потому что... я был очень зол на нее, – не сразу нашелся что ответить Рогожский.

– А сколько раз вы ее ударили топором? – вкрадчиво поинтересовался судебный следователь Воловцов, в голову которого стало закрадываться необъяснимое пока подозрение.

– Три, – ответил Рогожский и, похоже, увидев что-то на лице Ивана Федоровича, быстро поправился: – Нет, шесть раз... Хотя точно не могу сказать. Вы думаете, я колошматил ее по голове и считал все эти удары, полагая, что все это мне понадобится во время следствия?

«Ударов было девять», – хотел было сказать Иван Воловцов, но промолчал. Необъяснимое подозрение стало быстро перерастать в некую уверенность, что его собеседник просто «вколачивает ему баки»,⁵ как принято выражаться среди уркаганов⁶. Вот только заем ему это нужно?

– Хорошо, – внешне спокойно и даже где-то доброжелательно промолвил Иван Федорович. – А сколько раз вы еще использовали свой стилет?

– Еще два раза, – без запинки ответил Рогожский.

– Когда именно? – спросил Воловцов.

– Когда убивал обеих дочерей Анфисы, – последовал ответ.

– Как их звали, кстати? – быстро глянул на собеседника Иван Федорович.

– Тамара и Клавдия, – ответил Рогожский. – Вы даже не представляете, как я любил этих девочек! Они мне были, словно дочери. Боже, что я натворил! А как смотрела на меня младшая, когда я ее... – Рогожский горестно умолк и отвернулся.

На последние вопросы Рогожский ответил правильно и весьма убедительно, но чувство, что тот ему врет, не оставляло судебного следователя. Это ощущение усилилось, когда на вопрос Ивана Федоровича, где же стилет находится сейчас, Рогожский ответил, что выбросил его в Москва реку с Москворецкого моста. И тут же с готовностью добавил, что может показать место, с которого он бросал стилет.

Воловцов решил привести Рогожского на место преступления, в квартиру Анфисы Петровой, где судебный следователь собирался провести следственный эксперимент, иначе: проверить полученные данные вследствие допроса Рогожского путем воспроизведения обстановки и действий в процессе совершенного им (или не совершенного) противозаконного деяния. И стал подробно расспрашивать о том, где стоял он сам, где в это время находились жертвы. Каким образом он совершал свои злодеяния...

В результате следственного эксперимента Алексей Игнатьевич Рогожский не сумел правильно показать ни одно из мест, где происходило убийство Анфисы Петровой и ее детей, что протокольно зафиксировал участковый пристав Мещанской полицейской части надворный советник Покровский. Также Рогожский не смог правильно показать, где лежали деньги семьи Петровых и назвать их сумму.

– А сколько вы взяли денег?

⁵ Вколачивать (вкручивать) баки – врать; отвлекать внимание (жарг.).

⁶ Уркаганы – преступники (жарг.).

– Где-то около семидесяти рублей, – назвал Рогожский цифру, далекую от действительной, чем окончательно переполнил чашу недоверия к его показаниям. Но зачем же ему нужно было себя оговаривать?

Судебный следователь Воловцов в своей следственной практике не единожды имел опыт самооговоров. Два раза мотив добровольного самооговора находящихся под следствием граждан заключался в том, чтобы избежать ответственности за тяжкое преступление и быть осужденным за менее тяжкое противозаконное деяние. Дважды подследственные охотно брали вину на себя, чтобы выгородить родных или близких им людей. Один раз Ивану Федоровичу попался достаточно пожилой человек, который готов был пойти за другого в бессрочную каторгу в обмен на денежное вознаграждение его семье. А однажды слабый человек совершил самооговор под принуждением подельников.

Воловцов прекрасно осознавал, что самооговор явление нередкое, и помимо вышеперечисленных мотивов и причин, он может иметь и некоторые иные, среди каковых: невыносимость существования, желание поскорее попасть в тюрьму, чтобы получить кров и пищу; великодушный порыв принять на себя чужую вину, ложное чувство товарищества; желание показать себя матерым блатовым⁷; применение к подследственному физического или психического насилия или давления, а иные, в особенности из богатой молодежи, приобрести опыт «презабавного» приключения. Но как быть с Рогожским и его истинным мотивом самооговора?

И тут Иван Федорович вспомнил прочитанную не так давно переводную статью германского профессора Штрипке, напечатанную в *"Приложении к ежемесячному Журналу Министерства юстиции"*. В статье немецкий ученый-юрист утверждал, что причинами самооговора являются по большей части душевные болезни и расстройства истерического характера, характеризующиеся потребностью в демонстрации себя и получении внимания, завышенной самооценкой, театральностью и наигранным поведением. Все же остальные причины самооговора крайне редки и не являются преобладающими.

Так может, этот Рогожский попросту душевно нездоров?

Выдвинув для себя эту версию, как ключевую, судебный следователь Воловцов нанес визиты главврачам всех психиатрических клиник Москвы, разрешивших ему просмотреть «Больничные листы» пациентов. И в небольшой частной лечебнице Марии Федоровны Беккер, зовущейся в народе «Красносельской», он обнаружил «*Больничный лист*» бывшего пациента, – некоего Алексея Игнатьевича Рогожского, дворянина. После уточнения Воловцов установил, что это был тот самый Рогожский, что пытался себя оговорить и приписать себе убийство Анфисы Петровой и ее троих детей.

Вот оно как обернулось: славы, значит, захотел!

Рогожский пребывал в клинике на излечении дважды. Первый раз в тысяча восемьсот девяносто восьмом году, когда клиникой руководил доктор медицины Ардалион Ардалионович Токарский. Второй раз Алексей Игнатьевич находился на излечении в клинике Беккер ровно год назад, уже после смерти доктора Токарского. Оба раза его лечащим врачом был опытный ординатор Виссарион Успенский, и Иван Федорович решил побеседовать с ним о бывшем пациенте Рогожском.

– Как вы думаете, он способен на убийство? – сразу спросил судебный следователь.

– Опасности для общества он не представляет, – безапелляционно, ни на секунду не засомневавшись, заявил Воловцову ординатор Успенский. – Что вас сказать о нем... Это тихий меланхолик с повышенной чувствительностью нервной системы и склонностью к глубоким эмоциональным переживаниям.

⁷ Блатовой – (здесь) преступник (жарг.).

– А меланхолик это не слишком опасно для общества? – на всякий случай спросил Воловцов.

Доктор Успенский едва заметно улыбнулся:

– Что бы! Это совсем не смертельно... Меланхоликами были Рене Декарт, Фредерик Шопен и Петр Ильич Чайковский, не говоря уж о нашем литературном гении Николае Васильевиче Гоголе. Вот кто классический пример меланхолика! – заметил Виссарион Успенский. – Как видите, это все успешные и весьма талантливые люди. У Рогожского тоже наблюдался талант к вымыслу, и он часто подавал придуманные события в таких ярких красках и с такими тонкими деталями, что не поверить ему было просто невозможно. Знаете, я сам на такое попадался... Однажды, еще в его первое пребывание в нашей лечебнице, он рассказал мне историю о том, как он, служа бухгалтером в сети мануфактурных магазинов Товарищества "И. В. Щукин с сыновьями", растратил несколько тысяч казенных денег, и чтобы вернуть их, стал играть на скачках. И весьма удачно. А однажды, по его словам, он несказанно крупно выиграл! Надо было слышать, в каких красках он расписывал забег и публику, находившуюся на трибунах. И как потом ночью он вскрыл сейф бухгалтерской конторы Товарищества Щукина, тайно в нее пробравшись, и положил в него выигранные на скачках деньги взамен ранее растраченных. Мы вынуждены были навести справки... Позже выяснилось, что Рогожский никогда не служил бухгалтером и, кажется, вообще не служил. После выпуска из университета, он какое-то время продолжал обучение за границей, но после смерти отца вернулся в Россию, получил наследство в виде процентных бумаг и облигаций и стал обыкновенным рантье, живущим на проценты. Вот здесь он точно ничего не выдумывает!

– Что ж, благодарю вас, – откланялся судебный следователь по особо важным делам и покинул лечебницу. – Вы многое прояснили.

С тихим и душевно нездоровым меланхоликом Рогожским все было понятно. Из заключения под стражу он был отпущен с настоятельным увещанием впредь более не беспокоить служителей Судебной палаты и Окружного суда своими небылицами. Иван Федорович вновь принялся за Васю Жилина, который, слава Богу, не дал деру в дальние края и продолжал проживать в качестве жильца на квартире убиенной Анфисы Петровой, вполне уверовав, что в ее деле все обошлось.

Ан нет, не обошлось. Иван Федорович, используя различные приемы ведения допроса, изложенные в специальной брошюре сугубо для служебного пользования судебных следователей и полицейских дознавателей, получил в конце концов от Жилина признательные показания. Вскоре он сознался в том, что убил Анфису Петрову с целью совершения кражи, а ее детей был вынужден убить как свидетелей своего законопротивного деяния. Умеют они, судебные следователи, сбить подследственного с панталыку и нагнать жути, после чего вызвать человека на откровенность и развязать у него язык, посулив минимум того, что они на самом деле могут. К тому же было похоже, что к злодеянию Василий Жилин специально не готовился, поэтому для себя Иван Федорович классифицировал содеянное Жилиным как непредумышленное преступление с внезапно возникшим умыслом. То есть не подпадающее под высшую меру наказания.

Через пять месяцев состоялся судебный процесс. Присяжные заседатели признали Жилина виновным в убийстве Анфисы Петровой и ее детей с целью грабежа, но без обдуманного заранее намерения. Согласно вердикта присяжных, решением суда Василий Жилин был приговорен к каторжным работам на срок четырнадцать лет с лишением всех прав состояния...

* * *

Два года уже прошло после закрытия, прогремевшего на всю Российскую империю дела, однако помнилось оно в малейших деталях, словно это случилось только вчера. Да-а... Иван Федорович все же заставил себя отвлечься от нахлынувших невеселых воспоминаний и, посмотрев на старшего унтер-офицера Подвойского, произнес

– Вы остановились на том, что незнакомец, постучавшийся в часть и впущенный вами, представился мещанином Иваном Колобовым, и вы предложили ему присесть. Что дальше?

– Дальше я спросил его, по какому он пришел делу, – ответил полицейский унтер.

– И что же он сказал вам? – продолжал смотреть на него Иван Федорович.

– Он повторился... То есть стал говорить, что его следует прямо сейчас арестовать, поскольку он хорошо знает лиц, совершивших в августе в Рязани убийство генеральши Безобразовой и ее служанки горничной, – продолжил свой рассказ старший унтер-офицер Подвойский. – А еще он сказал, что в августе месяце он пребывал в Рязани и очень может быть, что и он сам, как он выразился, "принимал в убиении двух беззащитных женщин самое деятельное участие"... Я начал было задавать ему разные вопросы, касающиеся двойного убийства в Рязани, но Колобов попросил отложить дознание до утра и зарыть его в камере. "Я все равно сегодня больше ничего не скажу", – добавил он как мне показалось весьма категорически, после чего я повел его к нашим камерам и помесил его в одну из свободных одиночек. Он сразу лег и закрылся с головой одеялом. Было видно, что его колотит сильный озноб. Несколько раз в течение ночи я открывал дверной глазок и наблюдал за ним. Он все время ворочался, что-то там бурчал. Могу точно сказать, что успокоился он только к трем часам пополуночи. А утром, когда я по приказанию пришедшего на службу господина пристава открыл камеру, Колобов оказался мертв. Лекарь, который его осматривал, сказал, что имеются все признаки отравления каким-либо ртутным соединением, возможно, сулемой. И правда, – уже от себя добавил Подвойский, – этот Колобов лежал весь синюшный, а язык и десны у него были серыми и распухшими.

– Сегодня утром мне принесли врачебное заключение по медицинскому освидетельствованию трупа Колобова, – посчитав, что допрос старшего унтер-офицера Подвойского закончен, вмешался в разговор пристав Земцов. – Наш лекарь оказался совершенно прав: мещанин Иван Колобов либо отравился сам, либо был отравлен кем-то медленно действующим ядом из группы тяжелых металлов, в частности производным ртути, во многом напоминающем сулему.

– Вы полагаете, что возможно самоотравление? – поинтересовался Иван Федорович.

– А почему нет? – посмотрел на него внимательно пристав Земцов. – Скорее всего, оно и есть. Самоубийство. В нашей практике подобное случалось. На человека накатило запоздалое раскаяние, он и не выдержал угрызений совести и покончил с собой.

– То есть открывать уголовное дело по факту смерти Колобова вы не будете, – скорее, констатировал, нежели спросил Волонцов.

– Насколько я понял, доказать лживость или правдивость его слов относительно двойного убийства в Рязани Судебной палатой поручено вам, – не захотел напрямую отвечать на вопрос судебного следователя по особо важным делам пристав Земцов. – И вам так или иначе придется прояснять личность этого Коробова и обстоятельства его жизни и смерти, – добавил пристав и заключил: – Так что вам, как говорится, и карты в руки...

– Я вас понял, – холодно произнес Иван Федорович и сухо добавил, глядя прямо в глаза пристава Земцова: – К завтрашнему дню в канцелярии Департамента уголовных дел Судебной палаты должны находиться копия врачебного заключения по медицинскому освидетельствованию трупа московского мещанина Ивана Колобова, протокол происшествия и письменные показания старшего унтер-офицера Подвойского. Вам все понятно, любезнейший?

– Но...

– Никаких "но", господин пристав, – не дал договорить Земцову судебный следователь по особо важным делам. – Все указанные бумаги должны быть завтра у меня на руках. Иначе... Честь имею!

Глава 3. Первый из апостолов

Что нужно, чтобы заделаться начальником Московской сыскной полиции и стать их высокоблагородием, получив в Первопрестольной известность и чин коллежского советника, равный чину армейского полковника?

Нет ничего проще: надобно просто родиться в тысяча восемьсот шестьдесят восьмом году в Новгородской губернии крестьянским сыном Владимиром Ивановым Лебедевым, пройти обучение и воспитание в сельском церковно-приходском начальном училище и успешно окончить двухгодичную учительскую семинарию. Затем, плюнув на полученные знания и педагогическую карьеру, круто изменить свою жизнь, уехать в Киев и надеть в одна тысяча восемьсот восемьдесят пятом году юнкерскую форму Киевского пехотного юнкерского училища.

В первых числах октября того же года, выстояв долгую и нудную церковную службу и встав в строй на училищном плацу перед аналоем с Евангелием и Животворящим Крестом, обнажить голову и громогласно повторить за священником слова воинской присяги: *"Обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом пред святым Его Евангелием в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивейшему и Великому государю императору Александру Александровичу, Самодержцу Всероссийскому, и Его Императорского Величества Всероссийского престола Наследнику верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови..."* После чего под церемониальный марш проследовать на праздничный обед.

Еще надобно получить ко второму году обучения в Киевском юнкерском училище звание унтер-офицера. И выпуститься в тысяча восемьсот восемьдесят седьмом году из училища по второму разряду в чине подпрапорщика с направлением в сорок седьмой пехотный Украинский Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича полк, стоящий в Виннице. В этом славном ратными делами на поле брани воинском подразделении под командованием полковника Дмитрия Петровича Обезьянинова надлежало прослужить шесть лет и дослужиться до чина поручика. После чего неожиданно для сослуживцев и начальства прервать карьеру и подать рапорт на увольнение в запас с намерением снова круто изменить свою жизнь и неожиданно для всех поступить на службу в Московскую городскую полицию на должность помощника пристава второго участка Сушевской полицейской части.

Служить на новом поприще надлежало ревностно, денно и ночно, не жалея живота своего, как гласила одна из строк принятой некогда воинской присяги. Дабы уже в январе одна тысяча восемьсот девяносто четвертого года начать исправлять должность участкового пристава, а в тысяча восемьсот девяносто седьмом году сделаться полноправным приставом Сушевской полицейской части и прослужить в такой должности три года, покуда не последовало в одна тысяча девятисотом году назначение на должность исправляющего обязанности начальника Московского сыскного отделения полиции вместо тяжело заболевшего надворного советника Платонова. А в феврале тысяча девятьсот третьего года формулировка "исправляющий обязанности" отпала. Пожалуй, нужно еще одно: любить то, чем занимаешься, иметь склонность к розыскным делам и обладать незаурядным умом. Как видите, – все просто...

С осени сего года, Владимир Иванович отпустил бороду, и когда Воловцов зашел к нему в кабинет, то поначалу даже не понял, кто это такой идет к нему навстречу, улыбаясь и протягивая руку для пожатия.

– Знаешь, встретил бы я тебя где-нибудь на улице, то прошел бы мимо, – заметил Воловцов, пожимая Лебедеву руку.

– Что, так трудно меня узнать? – улыбнулся главный сыщик Москвы.

– Непросто, – произнес Иван Федорович, взглядывая в лицо своего товарища...

До сентября месяца тысяча девятьсот третьего года два коллежских советника, их высокоблагородия господа Воловцов и Лебедев, не имели чести быть лично знакомыми. Но друг о друге, конечно же, были наслышаны. Кроме того, это именно Владимир Иванович Лебедев вел поначалу розыск по делу о двойном убийстве в доме Стрельцовой супруги главного пивовара Хамовнического завода австрийского подданного Алоизия Осиповича Кара Юлии Карловны и его дочери Марты. И именно Лебедев вышел на Александра Кара, сына Алоизия Осиповича, как главного подозреваемого. Кстати, на этом деле Воловцов и Лебедев и свели личное знакомство и по прошествии менее суток уже перешли на "ты", найдя общий язык и начав сотрудничать. Вывести на чистую воду Александра Кара, убийцу матери и сестры, Воловцову удалось не без помощи начальника Московского сыска Лебедева.

Чуть позже, когда судебный следователь по важнейшим делам Воловцов вел дело об убийстве коммивояжера Стасько в Дмитрове, весьма запутанное и даже таинственное, Владимир Иванович также помогал Ивану Федоровичу по сыскной части. И дело было не только в том, что у Воловцова имелась бумага с гербом, в которой всем чинам и должностным лицам, невзирая на статус и ранг, предписывалось оказывать ему всяческое содействие и помощь по первому требованию. И не только в том, что одной из уставных служебных обязанностей чинов Московского сыскного отделения было выполнять поручения судебных следователей. Дело было еще и в том, что мгновенно вспыхнувшая между двумя служителями благочиния и правопорядка симпатия превратилась в крепкую дружбу и настоящее мужское товарищество. Поскольку между Воловцовым и Лебедевым было много общего: единые мировоззрение, пристрастия, вкусы и даже привычки; ревностное исполнение служебного долга; отношение к понятиям честь, порядочность и совесть как не к пустым звукам и иное прочее. Дружество, как известно, завязываются не на пустом месте.

– Что тебе опять нужна моя помощь, господин судебный следователь по *особо важным делам*? – слегка прищурившись, поинтересовался Владимир Иванович.

– Откуда тебе известно, что я следователь по особо важным? – подивился Воловцов. – Я сам это только на днях узнал.

– Ты, верно, забыл, куда и к кому ты пришел, – усмехнулся начальник Московского сыска. – Впрочем, после отпуска и не такое бывает... Сколь по всей стране таких, как ты, судебных следователей по особо важным? Человек десять? Пятнадцать?

– Двенадцать, – сдержанно ответил Воловцов.

– Вот! – едва не воскликнул Владимир Иванович. – Таких, как ты, всего двенадцать человек. Вы прямо, как апостолы. Думаю, это число даже не случайно... Гордись!

– Так я и горжусь, – спокойно ответил Иван Федорович, постепенно привыкая к новому облику Лебедева.

– Что-то не видно, – заметил начальник сыскного отделения. – Признаться, в своей полицейской жизни я всего один раз имел дело с судебным следователем по особо важным делам.

– Вот как. И когда же?

– Когда он расследовал серию уличных убийств, в том числе и на моем участке, в бытность мою помощником пристава второго участка Суцевской полицейской части. Этот судебный следователь был по происхождению поляк. Звали его Владиславом Рудольфовичем Рыковским. Умница, каких мало. Хотя и не без странностей... – Главный московский сыщик немного помолчал... – Позже Рыковский сделался одним из моих предшественников на посту начальника Московского сыскного отделения. – Лебедев посмотрел на Ивана Федоровича: – Ну вот теперь я знаю еще одного следователя по особо важным делам... Так ты ко мне по делу? Или так, как говорится, мимо проходил? – кинул сыскарь острый взгляд на судебного следователя по особо важным делам.

– По делу, Владимир Иванович, – ответил Воловцов и в свою очередь спросил: – Ты что-нибудь слышал об убийстве генеральши Безобразовой в Рязани?

– Только то, что писали газеты, – таков последовал ответ. – Кажется, главным подозреваемым там является то ли племянник генеральши, то ли ее внук, – добавил Лебедев. – Его даже взяли под стражу и предъявили обвинение в двойном убийстве и поджоге...

– Вполне возможно, что в этом деле открылись новые обстоятельства, – раздумчиво изрек Иван Федорович.

– Все понятно... Тебе поручено с этими обстоятельствами разобраться, имеют они место быть или нет, – без всякой вопросительной интонации произнес начальник сыскной полиции Москвы.

– Именно так, – согласно кивнул Воловцов.

– Ну и что это за обстоятельства? – поднял взор и в упор посмотрел на собеседника Лебедев.

– Излагаю, – начал Иван Федорович. – Три дня назад поздно вечером в Сретенскую полицейскую часть обратился молодой человек, представившийся московским мещанином Иваном Колобовым. Он заявил, что его следует немедленно арестовать, поскольку он хорошо знает лиц, совершивших в Рязани убийство генеральши Безобразовой и ее горничной. Мало того, этот Колобов сказал, что, возможно, он сам принимал в этом преступлении участие, ибо пребывал во время этого двойного убийства в Рязани. Больше на вопросы дежурного полицейского Колобов отвечать не стал, попросил отложить допрос до утра и отвести его в камеру. Пожелание его было исполнено. Но тут случилась вот такая досада: до утра Колобов не дожил. Согласно врачебного заключения по медицинскому освидетельствованию трупа мещанина Ивана Колобова, в его желудке обнаружен медленно действующий яд, полученный как производное ртути и напоминающий сулему...

– Получается, его отравили? – спросил Владимир Иванович, до того внимательно слушавший собеседника.

– Возможно, – как-то не очень уверенно промолвил Иван Федорович. – Или имеет место факт самоотравления. И это первый вопрос, на который мне предстоит найти ответ. Второй вопрос, – произнес судебный следователь по особо важным делам после небольшой паузы, – правду ли сказал перед своей смертью Колобов. И наконец, третий – был ли он во время убийства генеральши Безобразовой и ее горничной в Рязани.

– Ты хочешь, чтобы я ответил на все эти вопросы? – поднял брови главный сыщик Москвы.

– Было бы славно, – улыбнулся Воловцов. – Но все это поручено мне. Хотя... – немного подумав, произнес Иван Федорович, – узнать, покидал ли Колобов Москву в августе сего года и проживал ли он на момент убийства в Рязани, тебе не составит особого труда.

– Ну да, ну да, – задумчиво произнес Лебедев. – А когда убили генеральшу? – спросил он.

– Двадцать восьмого августа, – быстро ответил Иван Федорович.

– Понял, – констатировал начальник Московского сыска и шутливо спросил: – Что еще изволите?

– Еще нужно прояснить личность этого Колобова, – объявил, наконец, свою главную цель визита в сыскное отделение судебный следователь по особо важным делам. – Мне нужно знать о нем все. Совсем все, понимаешь? – посмотрел на Лебедева Иван Федорович. – Знать всю подноготную, начиная с младых ногтей и первой любви и заканчивая личной перепиской с родными и близкими и состоянием его пищеварения. Сам понимаешь, полномочия у меня самые широкие.

– Понима-аю, – протянул Владимир Иванович. – Только вот кто всем этим займется?

– Так известное дело: Василий Степанович Стефанов, – без тени сомнения произнес Воловцов, глядя однако мимо Лебедева.

– Икий ты приткий! Ты что, лучшего сыскаря у меня забрать хочешь? – спросил начальник Московского сыскного отделения, понимая, что Стефанова все же придется временно определить в помощь судебному следователю по особо важным делам Воловцову.

– Никто его забирать у тебя не собирается, – мягко возразил товарищу Иван Федорович. – Как был он у тебя старшим чиновником особых поручений и первым сыщиком, так им и останется. Просто какое-то время он поработает моим агентом. Не думаю, что ты забыл, – тут, наконец, Воловцов взглянул на Лебедева, – что исполнение поручений судебных следователей в перечне обязанностей служащих сыскных участков и отделений...

– У вас забудешь, как же, – ворчливо, но вполне добродушно промолвил Лебедев. – Сразу напомните! Что ж, придется подчиниться, – нарочито смиренно произнес главный сыщик Москвы. – Ведь таких, как ты, всего двенадцать... Апостолов!

* * *

Быть лучшим – совсем непросто. Случается, что найти и раскрыть банду преступников, разоблачить аферистов и мазуриков⁸ зачастую бывает несложно, имея при этом сыскной склад ума, опыт и агентов в среде блатных. Другое дело держать соответствующую планку и все время доказывать, что ты лучший. Вот для этого следует прикладывать немалые усилия и кроме недюжинной работоспособности надлежит быть завсегда собранным, внимательным и точным. Достигнув соответствующего уровня, ты понимаешь, что на тебя смотрят, на тебя рассчитывают, а если ты не сумел сработать должным образом, значит подвел людей и не оправдал возложенных на тебя надежд. Что никак непозволительно...

Так или примерно так думал Василий Степанович Стефанов, получая очередное назначение.

Вскоре бывшего околоточного надзирателя Третьего участка Лефортовской полицейской части приметил начальник Московского сыскного отделения Лебедев и перевел к себе по прошению на имя обер-полицмейстера Москвы его превосходительства генерал-майора Трепова. В сыском Стефанов быстро сделался чиновником особых поручений, потом старшим чиновником с принятием на себя должности столоначальника. Однако все это не мешало ему заниматься своим основным делом: розыском и разоблачением преступников. Правда, теперь Василий Степанович чаще руководил расследованием преступлений, нежели занимался сыском лично, направляя и контролируя действия своих подчиненных. Именно таким образом была раскрыта и заарестована банда Фимы Сенькина, два года промышлявшая в Москве грабежами во время поджогов, которые сами же и устраивали. Стефанов и его люди брали "Короля воров", – известного московского маза⁹ Костю Родзиковского, подмявшего под себя половину воровской Москвы. А совсем недавно был взят с поличным на проведении "благотворительной" лотереи некто генерал Дудышкин, оказавшийся вовсе не генералом и отнюдь не Дудышкиным, а мещанином Яковом Ароновичем Сандлером, махровым аферистом, занимающимся собиранием "благотворительных вспоможений" аж с тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года.

Когда Василия Степановича вызвал к себе начальник Московского сыскного отделения коллежский советник Лебедев, у него в кабинете находился судебный следователь Воловцов. Коротко знаком с ним Стефанов не был, хотя имел честь быть ему представленным Владимиром Ивановичем, и после этого они с Воловцовым несколько раз виделись, пересекаясь по служебным делам.

– Вот, Василий Степанович, господин Воловцов прибыл по твою душу, – так начал разговор Лебедев. – Пришел он за помощью, на что, собственно говоря, имеет по своему служебному положению полное право.

⁸ Мазурик – (здесь) жулик (жарг.).

⁹ Маз – опытный и авторитетный вор (жарг.).

– А в чем надо помочь? – заинтересованно посмотрел сначала на своего начальника, а затем на Ивана Федоровича сыщик Стефанов.

– А это он сам тебе и расскажет, – самоустранился от дальнейшего разговора Владимир Иванович.

– Дело вот в чем, – обратился к Стефанову Иван Федорович. – Имеется труп некоего московского мещанина Ивана Александровича Колобова. По информации, сообщенной им лично, когда он был еще жив, в августе месяце сего года он находился в Рязани. Более о нем ничего не известно. Вам надлежит узнать: правду ли он сказал про свое нахождение в Рязани, и выяснить, кто, собственно, таков этот Колобов. Меня интересует все! Даже любая мелочь с ним связанная. Его место проживания, род занятий, друзья, родственники, переписка, если таковая имелась... Словом, вся подноготная о человеке. Полагаю, – добавил без тени сомнения судебный следователь по особо важным делам, – заниматься сбором информации о человеке вам не впервой, поэтому надеюсь на скорый положительный результат.

– Я, конечно, постараюсь, – заверил Воловцова Василий Степанович. – Привлеку к этому делу для быстроты еще Игнатьева и Колмановича... – Стефанов вопросительно посмотрел на Лебедева: – Так, Владимир Иванович?

– Ты столоначальник, тебе решать, – ответил Лебедев. Со значением добавил: – Главное, чтобы не в ущерб всем остальным делам. Сам понимаешь...

– Не в ущерб, уверяю, – твердо произнес Стефанов. – Могу идти?

– Ступай, Василий Степанович, – отпустил подчиненного Владимир Иванович.

Когда старший чиновник по особым поручениям покинул кабинет, Лебедев спросил:

– Ну что, довольна теперь твоя душенька?

– Довольна, – ответил Воловцов, улыбнувшись.

– Будь спокоен, Стефанов сделает все в лучшем виде, – уверенно промолвил Владимир Иванович.

– А я спокоен, – на полном серьезе ответил Иван Федорович и протянул ладонь: – Благодарю за помощь.

– Обращайся, – тоже вполне серьезно произнес Лебедев и крепко пожал протянутую ладонь. – Всегда буду рад помочь.

Глава 4. Что произошло в Рязани

Расследование генеральши Безобразовой и ее горничной обещало быть трудным, а потому важно было как следует познакомиться со всеми материалами дела, не упуская при этом даже малейшей детали. Прочитав имеющиеся материалы, Иван Федорович уже мог составить для себя картину преступления, кое о чем догадавшись, а кое-что и домыслив.

Дело развивалось примерно так...

Двадцать восьмого августа текущего года, в пятом часу пополудни на улице Владимирской, во флигеле бывшего дома генерал-майора Всеволода Александровича Безобразова, занимаемом Платонидой Евграфовной Безобразовой, его вдовой, приключился пожар. По-видимому, возгорание произошло не столь давно, и вскорости пожар был ликвидирован, благодаря своевременному прибытию пожарной команды и ее слаженным усилиям. Последствия пожара были не очень велики: в спальне генеральши Безобразовой обуглился пол и сгорел комод со стоящими на нем шкатулками, а в соседней со спальней девичьей комнате прогорело несколько половиц и частично прокоптели потолок и стеновые обои.

Во время тушения огня, Платонида Евграфовна Безобразова и ее служанка горничная Алевтина Сенчина были найдены в своих комнатах мертвыми. Предварительный осмотр трупов показал, что на них имеются явные признаки умышленного лишения жизни в виде смертельных ран, нанесенных колюще-режущим предметом с обоюдоострым лезвием-кинжалом. Поскольку девичья комната находилась тотчас за прихожей, то первой была обнаружена мертвая горничная. Алевтина Сенчина лежала на животе в девичьей близ двери, ведущей в спальню генеральши, уткнувшись лицом в пол. На горничной были сорочка и верхняя юбка. Ноги были босы. Под ней была лужа крови, доходящая до порога двери в спальню Платониды Евграфовны. Рядом с трупом Сенчиной валялись медный подсвечник и выпавший из него огарок свечи, приставший к полу. Из этого можно было сделать вывод, что горничная была разбужена каким-то шумом в спальне генеральши, встала с постели, надела юбку и, взяв подсвечник с горевшей свечечкой, пошла посмотреть, что такое происходит в спальне хозяйки. Алевтина Сенчина не дошла двух шагов до комнаты генеральши, как двери перед ней вдруг распахнулись, навстречу шагнул убийца и нанес ей смертельный удар кинжалом или ножом. Падая, Алевтина выронила из рук подсвечник, из которого от удара о пол выпала свеча и прилепилась к полу. Можно было не сомневаться, что дело обстояло именно так...

А вот генеральша Безобразова, судя по всему, была убита иначе. Нашли ее лежавшей на полу навзничь, с поднятыми вверх предплечьями и сжатыми кулачками. По всему было видно, что Платонида Евграфовна пыталась сопротивляться убийце. Отсюда и шум, от которого на свою беду проснулась горничная Сенчина. Две раны, полученные генеральшей Безобразовой, безусловно, были нанесены той же рукой, что нанесла смертельную рану горничной. А поскольку преступнику пришлось с генеральшей повозиться, на его одежду должна была попасть ее кровь.

Анализ обстановки горевших помещений позволяет сделать вывод, что обе комнаты были подожжены умышленно с помощью предварительно разлитого из ламп керосина. Цель поджога также была очевидной: сокрытие преступником двойного убийства. Большая керосиновая лампа с отвинченной горелкой и приставшим к ней пухом, найденная в спальне генеральши на столике у кровати, и две малые лампы также с отвинченными горелками, обнаруженные на столе в девичьей комнате, не имели внутри ни единой капли керосина...

При осмотре флигеля полицейскими чинами, запоры, преграждающие вход во флигель, были найдены неповрежденными, слуховое окно на чердаке было забито досками, отбитыми самими пожарными, парадная дверь, до приезда пожарных, также была заперта. Ее открыл дворник Савельев, когда приехали пожарные.

В спальне генеральши комод, стоявший недалеко от двери, был полностью уничтожен огнем. Среди его обгорелых остатков были найдены четыре внутренних замка. У трех были опущены снычи. Это означало, что три из четырех ящиков комода либо были не заперты, либо их вскрыл злоумышленник. Вскрытые замки не имели повреждений. Стало быть, открывались они родными ключами. Деньги, процентные бумаги и ювелирные украшения, принадлежавшие генеральше Безобразовой, бесследно исчезли.

Далее Иван Федорович перечитал все газетные публикации, касающиеся двойного убийства. Поначалу их было очень много. Потом стало поменьше, – общественность увлеклась похождениями великого князя в Париже, проживавшего в шикарных апартаментах и едва ли не ежедневно менявшего любовниц. Далее по теме двойного убийства в печатных изданиях наступило затишье. Лишь некто неутомимый д-р "Немо", как он подписывал свои статьи в "Рязанском листке", время от времени возвращался к убийству во флигеле на улице Владимирской, публикуя свои измышления, претендующие на репортерское расследование, и вопрошал: когда же будет найден убийца или хотя бы будет предъявлено хоть кому-то обвинение в убийстве.

Пятнадцатого октября в связи с тем, что дело генеральши Безобразовой и ее горничной стал вести судебный следователь Рязанского окружного суда (д-р "Немо" не сообщал его имени и фамилии), во флигеле в присутствии понятых был произведен вторичный осмотр. Оказалось, что ключей от комода ни в вещах Безобразовой, ни где-либо в спальне нет.

– Вот оно как, – едва не воскликнул Иван Федорович, любивший иногда поговорить сам с собой, а, вернее, с оппонентом, сидевшем внутри него.

Нашли во флигеле два замочка от сгоревших шкапулок. Они были тоже отперты без наличия повреждений. Ключей от шкапулок также не обнаружилось. В спальне генеральши Безобразовой на кровати лежали разбросанные подушки. Две из них были распороты, пух из них вытряхнут. Сами наволочки имели кровавые отпечатки, верно, от рук убийцы. Очевидно преступник, порешив старушку-генеральшу, искал в подушках какие-то ценности. Но вот нашел ли он их – неизвестно.

Далее вторичный осмотр флигеля показал, что трубы в печах были открыты, и дым вследствие наличия тяги выходил наружу. Наверняка это сделал злоумышленник. Кроме спальни генеральши, порядок нигде больше не был нарушен. Если не считать того, что в гостиной были расставлены ширмы, за которыми стояла застеленная кровать и стул, на котором лежало свежее мужское белье: Платонида Евграфовна ожидала рано утром двадцать восьмого августа приезда из Петербурга полковника Александра Осиповича Тальского, ее сына от первого мужа Осипа Зиновьевича Тальского. Значит, злоумышленник знал, где хранятся ценности старухи Безобразовой, если искал их только в спальне и нигде более.

При осмотре флигеля присутствовал Константин Леопольдович Тальский, племянник генеральши и муж домовладелицы Ольги Тальской, дочери генерала Безобразова от его первой жены. Когда судебный следователь задавал ему вопросы, Константин Леопольдович отвечал охотно, обстоятельно, а старушку-генеральшу называл не иначе, как "матушкой", поясняя, что Платонида Евграфовна всегда была ему как родная мать, и он, Константин Тальский, испытывал к ней самые теплые родственные чувства. Очевидно, судебному следователю эти слова показались наигранными, и он как бы ненароком спросил полковника Александра Тальского об отношениях его двоюродного брата Константина Леопольдовича с тетушкой. На что полковник, нисколько не сомневаясь, отвечал:

– Самые теплые, которые только могут быть между тетушкой и племянником.

Видно, слова Александра Тальского о своем младшем двоюродном брате Константине Леопольдовиче мало что сказали судебному следователю, если сказали что-то вообще, поскольку тот с самого начала расследования двойного убийства подозревал именно Константина Тальского. Такое заключение Воловцов сделал по небольшой заметке в "Рязанских

губернских ведомостях", где сообщалось, что того же пятнадцатого октября на квартире Константина Тальского в доме Ольги Всеволодовны Тальской (бывшем доме усадьбы почившего в бозе полтора года назад генерала Безобразова) по Владимирской улице в присутствии понятых был произведен обыск. Следует заметить, что разрешение на обыск судебным следователям и полициантам просто так, а тем более по первому их требованию не дают, на то требуется специальное разрешение прокурора. А он выдает разрешение только при условии наличия подозрения на свершение противоправного деяния. Отсюда следует вывод: Константин Тальский подозревался в убийстве своей тетушки и ее горничной.

При обыске на квартире Тальского-младшего (а он по летам был младше Александра Тальского на двадцать два года), были найдены бостоновые брюки с плохо замытыми бурыми пятнами в виде брызг. Позже после проведения экспертизы выяснилось, что бурые пятна – следы крови. Еще были найдены: мелкие ключи на тесемочке, один из которых в точности подошел к замочку одной из сгоревших шкатулок из спальни Платониды Евграфовны; кожаный бумажник желтого цвета, принадлежавший убитой генеральше Безобразовой; два кинжала в ножнах. В одном из бумажников самого Константина Тальского была найдена квитанция от тысяча восемьсот девяносто девятого года Городского общественного банка Сергея Живаго в принятии от генерала Безобразова на хранение одиннадцати выигрышных билетов пятипроцентного займа. Находки были исключительными и составили первую серию улик против Тальского-младшего, пусть и косвенных. Когда Иван Федорович прочитал эти строки, у него перед глазами тотчас предстала картинка допроса судебным следователем Окружного суда Тальского-младшего в связи с обнаруженными уликами...

СУДЕБНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ. Скажите, господин Тальский, как вы объясните наличие кровавых пятен на ваших брюках?

КОНСТАНТИН ТАЛЬСКИЙ. Это у меня в вагоне поезда пошла из носа кровь, когда я год назад возвращался из поездки к брату в Петербург. С тех пор я эти брюки не надевал.

СУДЕБНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ. Почему же вы их не выбросили?

КОНСТАНТИН ТАЛЬСКИЙ. Я о них просто позабыл.

СУДЕБНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ. Ах вот оно что... Скажу вам по своему опыту, господин Тальский, что при кровотечении из носу кровавые пятна не могли бы появиться в таком месте и в таком виде. Это также может подтвердить любой городской врач, имеющий хоть какой-то опыт. Вы могли бы запачкать рубашку, но не брюки.

КОНСТАНТИН ТАЛЬСКИЙ (с живостью в голосе). Вспомнил! В июне этого года я порезал палец.

СУДЕБНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ. Но вы же только что сказали, что уже год, как не надевали этих брюк. И вообще о них позабыли!

КОНСТАНТИН ТАЛЬСКИЙ (нимало не смутившись). Я, верно, перепутал.

СУДЕБНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ. Хорошо. От пореза, когда хлещет кровь, такие пятна возможны. Но для этого должна быть приличная рана, и от нее должен остаться заметный шрам. Не могли бы вы показать, какой палец вы порезали?

КОНСТАНТИН ТАЛЬСКИЙ (предъявляет палец). Вот!

СУДЕБНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ (осматривая палец). Ничего не вижу, Боже правый!

КОНСТАНТИН ТАЛЬСКИЙ. Да вот же! Посмотрите повнимательнее.

СУДЕБНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ (едва разглядев крохотный шрамик). Порез столь ничтожен, что из него и несколько капель не выдавишь. На рану, из которой хлестала бы обильно кровь, этот порез никак не похож. (Подняв взор на допрашиваемого.) Что вы скажете на это?

Константин Тальский молча пожимает плечами.

СУДЕБНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ (указывая на желтый бумажник). А как вы объясните, что бумажник, принадлежавший госпоже Безобразовой, при обыске найден у вас?

КОНСТАНТИН ТАЛЬСКИЙ. Матушка Платонида Евграфовна сама мне его передала.

СУДЕБНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ (не без язвочки). А квитанцию из банка Живаго на помещение выигрышных билетов тоже она вам передала?

КОНСТАНТИН ТАЛЬСКИЙ (уверенным голосом). Вам это может показаться странным, но это так.

По поводу связки мелких ключей, один из которых подошел к замку сторевавшей в спальне генеральши шкатулки, Тальский-младший ответил таким образом:

– Не знаю. Очевидно, их принесли в дом вместе с другими мелкими вещами из спальни матушки после пожара...

На Константина Тальского, как на подозреваемого номер один указывало еще одно важное обстоятельство: оба убийства совершенно невозможно было совершить лицу постороннему. Чему имеются самые достоверные факты...

Алоизий Буткевич (держатель лавки бакалейных и колониальных товаров), проживающий в доме на противоположной стороне Владимирской улицы как раз напротив флигеля, возвращался в ночь убийства генеральши и ее горничной к себе на квартиру в третьем часу ночи. У крыльца дома, где он квартировал, Буткевич повстречал ночного сторожа Вахрамеев Николаенко, охраняющего квартал по улице Владимирской. Поздоровавшись, Николаенко стрельнул у лавочника Буткевича папироску, и они оба закурили. Через минуту к ним подошел постовой городской Зотов, который тоже попросил у Буткевича папироску. Так они стояли и курили втроем минут семь-восемь, покуда Алоизий Буткевич не пошел домой. Никого посторонних ни во дворе, ни каких-либо прохожих на улице никто из этих троих не видел. Когда примерно через полчаса, ложась спать, Буткевич выглянул в окно, сторож Николаенко и городской Зотов по-прежнему стояли возле крыльца дома и о чем-то беседовали.

Спустя еще некоторое время по Владимирской улице в сторону железнодорожного вокзала проехали два извозчика, Галимзянов и Утехин, поспешавшие к приходу ночного поезда, чтобы не опоздать к выходу клиентов. Оба извозчика видели сторожа Николаенко и городского Зотова близ злополучного флигеля уже перед самым началом пожара, а именно около четырех утра. Сторож Дворянской улицы Обухов, тушивший фонари на углу Дворянской и Владимирской улиц в четыре часа утра, тоже никого постороннего не видал. Выходило, что флигель был все время на виду, и если бы кто-то из посторонних людей входил в него или выходил, то был бы непременно замечен.

На то, что убийцей генеральши и горничной был кто-то из своих, указывало и поведение собак во дворе: ни одна из них в ту ночь даже не тявкнула, пока не занялся пожар и не приехали пожарные. А псы были на редкость злые и никого посторонних во двор усадьбы не впускали. Об этом было известно многим. Так например, молочник, булочник и рассыльный, принося телеграммы и письма, чтобы не иметь неприятностей с собаками, никогда не входили во двор дома и во флигель, – стучались к хозяевам в окошко с улицы.

Были допрошены супруга Константина Тальского, а также прислуга Тальских и генеральши Безобразовой. Ольга Тальская, конечно, показала, что той злополучной ночью ее муж никуда не отлучался, и проснулся лишь тогда, когда во флигеле обнаружился пожар. Веры ей было немного, как лицу заинтересованному. А вот прислуга Константина и Ольги Тальских горничная Кузьмина показала, что неделю назад барин ругался с генеральшей и даже разбил в гневе окно в гостиной флигеля. А через две недели после убийства генеральши поведала своей товарке Михайловой, что "в ту ночь барин куда-то выходил из квартиры".

По совокупности всех имеющихся улик, Константин Леопольдович Тальский был заключен под стражу и помещен в следственное отделение Рязанского тюремного замка. Там ему, согласно результатов предварительного следствия, было предъявлено обвинение. Заключалось оно в том, что, во-первых, он заранее спланировал убийство Безобразовой и ее горничной Сенчиной с целью ограбления. Для этого в ночь на двадцать восьмое августа в районе двух часов пополудни Константин Тальский проник во флигель дома на Владимирской улице, занимае-

мый названными лицами, и там совершил двойное душегубство: Безобразову ударил ножом в брюшную полость и в легкое, а Сенчину – в грудную полость.

Во-вторых, Константин Тальский попытался скрыть следы преступления. Он облил керосином пол, на котором лежали трупы Безобразовой и Сенчиной, и поджег его. Преступления, по которым обвинялся Тальский-младший, попадали под действия статей 1453 пункта 4 и 1610 пункт 2. Последняя статья была о пожаре, учиненном через поджог и потушенном в самом начале возгорания, предусматривающая лишение *«всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и к ссылке в Сибирь или к отдаче в исправительные арестантские отделения по второй степени»*, то есть на срок от трех до трех с половиною лет. Но это было ничто против статьи 1453 пункта 4, гласящего об учинении убийства с целью ограбления *«с обдуманном заранее намерением или умыслом»* и предусматривающего наказание в виде лишения всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на время от пятнадцати до двадцати лет.

Конечно, сведения, почерпнутые из печати, были далеко не полными. В них отсутствовали показания многих свидетелей, протоколы допросов обвиняемого, описание улик, места преступления и еще много чего, что обычно имеется в папке следователя, ведущего конкретное дело. То, до чего Ивану Федоровичу пришлось самостоятельно догадываться и что привелось домысливать, привлекая знания и опыт, на самом деле могло быть не совсем так. Однако для того, чтобы составить для себя картину преступления в общих чертах, прочитанных Воловцовым материалов, было вполне достаточно.

Глава 5. Кто таков мещанин Колобов

Старшему чиновнику особых поручений Московского сыскного полицейского отделения Василию Стефанову за годы своей службы приходилось разыскивать всяких людей.

А что такое "розыск"?

Нужно вывести местонахождение конкретного человека (чаще всего приходится разыскивать татей и преступников всех мастей), а еще установить его точную личность: собрать о нем как можно больше материала, в перечне которого определение его характера, привычек, каких-то скрытых наклонностей. В общем всего того, что может помочь следствию в раскрытии преступления.

В его карьере были победы, которыми по-настоящему можно было гордиться. Полгода Василий Степанович охотился за "королем медвежатников", шнифером¹⁰ с погоняловом¹¹ "Инженер", с наступлением нового века почти завязавшего с профессией и "работающего" редко и исключительно по приглашениям. И нашел, таки! А если выразаться точнее – *сыскал*. "Инженер" проживал в Столешниковом переулке близ Тверской площади по липовым очкам¹² на имя Игната Туговертова. Числился он бывшим инженером одного из Московских казенных заводов и якобы получателем государственного годового пенсионного без малого в три тысячи рублей за выслугу лет и долгую беспорочную службу.

Не так давно сыщик Стефанов *вычислил* глубоко законспирированного бирочника¹³ только по имеющейся в Сыском отделении антропометрической карточке, благо начальник Московского сыска Лебедев завет таковые в своем регистрационном бюро. А сколь Василий Степанович разыскал людей, имея на руках только фотографическую карточку или маломальское словесное написание, – он и сам не помнил...

В копилке закрытых дел по розыску граждан, представляющих интерес для организаций, блюдушщих благочиние, добронравие и порядок, был у Василия Степановича один человек, про которого всего-то и было известно, что он имеет нос пуговкой и слегка картавит. Попробуйте сыщите в Москве человека по таким приметам! А Василий Степанович сыскал.

Иное дело, когда знаешь, что ищешь, когда имеются какие-то особые приметы. В таких случаях всегда имеется ожидаемый результат. Московский мещанин Иван Александрович Колобов входил в число таковых, – в качестве исходных данных имелись его сословная принадлежность, фамилия, имя и отчество и факт проживания в августе месяце в Рязани. Правда, с его слов, но это было не трудно проверить. Что и было вскорости произведено титулярным советником Стефановым.

Оказалось, и правда, Колобов с августа до первой декады сентября пребывал в Рязани и исполнял должность учетчика на винном складе Торгового дома "Панкратий Морозов с сыновьями" с месячным окладом в шестьдесят пять рублей. Это место он получил сразу после прибытия из Москвы в понедельник тринадцатого июля и служил до пятницы одиннадцатого сентября, покуда ему не отказали в должности за нерадивостью к службе и не рассчитали. Проживая в Рязани, Колобов снимал квартиру в меблирашках для приезжих по улице Семинарской недалеко от железнодорожного вокзала. Когда его рассчитали, он вернулся в Москву...

¹⁰ Шнифер – взломщик несгораемых шкафов и касс (жарг.).

¹¹ Погонялово – (здесь) воровское прозвище, псевдоним (жарг.).

¹² Липовые очки – поддельный паспорт (жарг.).

¹³ Бирочник – изготовитель фальшивых паспортов (жарг.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.